

А.Г. Фомин, Е.А. Подгорная
Кемеровский государственный университет
Кузбасский институт экономики и права

**Специфика содержания образов языкового сознания
подростка – пользователя интернет-чатов
(лингвистический аспект анализа данных
ассоциативного эксперимента)**

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы компьютерного дискурса чатов как особого динамического фактора языкового сознания подростка. В статье исследуется и устанавливается влияние дискурсивных процессов и их структурных особенностей на формирование образов языкового сознания подростка, содержится анализ коммуникативно-прагматических и структурно-языковых детерминант текстов интернет-чатов, влияющих на динамику и вариативность образов языкового сознания, отражающих особенности трансформации образа мира в системе сравнительно новых ассоциативных норм.

The article deals with the studying of computer discourse of chats as a particular dynamic factor of teenager's verbal consciousness. The article contains the results of the research of discursive processes and their structural characteristics on the formation of verbal representation of teenager's images; it contains analysis of communicative-pragmatic and structural linguistic text determinants of Internet-chats, influencing the behavior and variability of verbal mental images, reflecting the features of transformation world image in the system of comparatively new associative norms.

Ключевые слова: компьютерная коммуникация, компьютерный дискурс, интернет-чат, языковое сознание, образ языкового сознания подростка.

Computer communication, computer discourse, Internet-chat, verbal consciousness, verbal representation of teenagers' images.

УДК: 81'23.

Контактная информация: Кемерово, ул. Красная, 6. КемГУ, кафедра теории и практики перевода. Тел. (3842) 583497. E-mail: andfomin67@mail.ru; ул. 40 лет Октября, 2. КИЭП. Тел. (3842) 621079. E-mail: katje@bk.ru.

Современные компьютерные технологии создали фундамент принципиально новой системы коммуникативных связей, ведущих к глобализации коммуникации, в процессе которой трансформируется вся структура коммуникативного опыта человека. Интернет в наше время – не только всемирная компьютерная сеть, но и социокультурная среда, самостоятельное явление культуры, влияющее на все области жизни человека, что находит отражение в языке. Это влияние можно рассматривать как двухстороннее: с одной стороны, из живой речи в Интернет проникает огромное количество разговорных, сленговых, диалектных форм и грамматических особенностей, с другой, – наблюдается обратный процесс, при котором в живую речь попадают сленговые элементы, рожденные в среде Интернета.

Компьютерная коммуникация происходит опосредованно (посредством компьютеров) на интернет-сайтах, реализуется в письменном виде (в виде электрон-

ных текстов), имеет интерактивный характер и протекает в режиме реального времени (on-line) в интернет-среде. Речевое общение в Интернете становится более массовым, в нем принимает участие все большее количество возрастных и социальных групп общества. Поэтому Интернет рассматривается в нашем исследовании как активно развивающийся *агент социализации, формирующий особую субкультуру*.

Чат, будучи жанром компьютерного дискурса, имеет характеристики как устной, так и письменной речи. Чат можно определить как гибридный жанр, обладающий чертами устной и письменной речи, совершенно новый вид речевой деятельности, для которой характерен компьютерно-опосредованный синтетический тип устно-письменной коммуникации, дополненный особенностями электронного канала передачи сообщений. Коммуникация в чатах отличается особым подходом к языку: творческим, изобретательным, экспериментальным. Объединение средств письменного и устного общения позволяет создать новое коммуникативное пространство и расширить коммуникативные возможности участников общения.

Вследствие этого язык, находясь в постоянном состоянии развития, приспособляется к новым условиям общения, вырабатывая новые и трансформируя имеющиеся средства в соответствии с прагматическими особенностями коммуникации. Язык в настоящее время функционирует в двух взаимообусловленных и связанных друг с другом «пространствах» – реальном и виртуальном. Он, приспособляясь к техническим возможностям Интернета, является основным средством создания новой коммуникативной среды, в которой отражается вся специфика его употребления.

В проведенном исследовании участвовало 425 респондентов – учащихся 8–11 классов школ г. Кемерово, которые определили наиболее посещаемые чаты. Данные опроса отражены на рисунке 1.

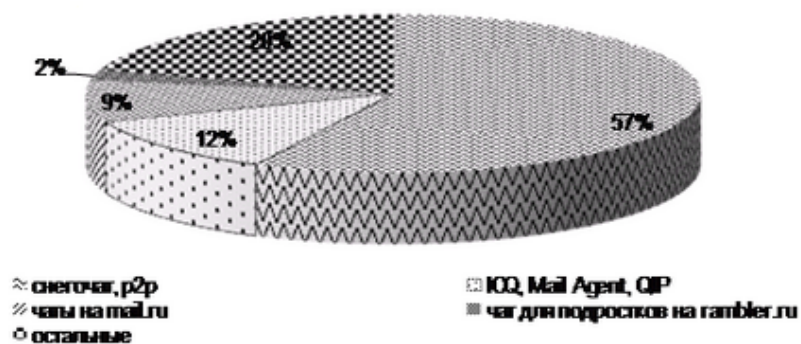

Рис. 1. Наиболее популярные сайты подростков г. Кемерово

Как видно из рисунка 1, чисто подростковые чаты непопулярны среди школьников и составляют лишь 2 %, а первыми по посещаемости являются «Снегочат» и чат пиринговой сети провайдера Good Line – p2p.

Примеры на базе отобранного нами языкового материала иллюстрируют стремление пользователей чатов подчеркнуть устный характер своеобразного языка, что отражено в доминанте фонетического принципа письма, иллюстрирующего имитацию естественной «устности» речи. В чатах как жанре компьютерного дискурса находят графическое отражение живые фонетические процессы, присущие русскому языку: регрессивная (*анекдот, пацталом, ф топку, фсе, с воткой*) и прогрессивная (*наступать, многабукаф*) ассимиляция согласных, диссимиляция (*легулярный, хто, хтойта, ихто, канешно*), протеза (*енто, ет что-*

воть, ета), редукция гласных (абезьяна, агонь, саидиняюсь, температуру, я по-нел, святая (святая), жжжжоишь), оглушение согласных на конце слова (рас, ис под ногтей, врятли, моск), упрощение групп из двух или трех согласных (не чесно, чувства, ток, боше, номано, боно, смарели, тада, пожэ), стяжение гласных (стя (=с тебя), тя, те (тебе), мя (меня), ся (себя), се (себе), теж (тебе же), фи-гассе, ваще), количественная редукция безударных гласных (над, прям, эт, лад-нот, кароч, пишла, ЙА грю, не хчу грить, грят, спасибо, пасиб (спасибо), наверн). Наряду с указанными процессами наблюдается осознанное, намеренное искажение фонетического образа слова в целях придания ему (слову) «медведовского» (<http://dirty.ru/users/6756>) звучания (13,2 % от материала исследования): *есчо, сча, товарисчам, полофинкой, ф бан пойдет, цитата из кники, не пальшие деньги, в коком, сотона, вертуальный, посядят, занед (занят), в цветняке, злайя йа, счастливчеГ, любовнеГ, панидельниг, пастараюз, рулед, баландинка, суердце, секас* или демонстрации феномена «креведко» (<http://bash.org.ru/quote/104726>) (7,4 % от отобранного языкового материала): *спряталсо, Танько не плакай, назвалсо Алексом, держацо, улитко, привед конфетко, помошцо, ПриДуРко*. Отклонения от орфоэпической нормы несут эмоционально-экспрессивную нагрузку и подчинены стремлению пользователей к индивидуализации и самовыражению.

Коммуниканты, манифестируя себя в языке, имеют тенденцию к реализации в письменной форме элементов устной разговорной речи, созданию своего авторского стиля, эффекта «речевой маски». В связи с этим в анализируемом экспериментальном корпусе зафиксированы следующие ненормативные написания: имитация звуков (например, *апчи, брр* и т. п.), передача междометий, характерных для устной разговорной речи (*аха (ага), ая яй, брр, вау!!!, вооо, гы гы, дак дак дак, йоу, кК, кхе, мдя, мухахахахохе*); передача просодических явлений: шепелявость (*не штешняйся, шпать ахота*)), озноб (*жубы штучат*), имитация кавказского «акцента» говорящего (*слушай дарагой, кито?, О киц киц, сок нэрсикавый*) или имитация иноязычной речи: украинской (*спать я хлопцы, пошукай инфу в нете*), немецкой (*вас из дас?, хайц*), американской (*Вот дид ю сэй абоут май мом?, фенкью, стьюдентов*), французской (*камрадЕ, Се ля ви, воалья, бонжорна миледи, Компрене ву!*); использование в речи архаизмов, подчеркнуто вежливого стиля общения (*приветсвую вас, о сударь!, здраве были, бояре, джентельмены, сударь, званный ужин*); имитация речи ребенка (*холосо, штрафный, маинький есчо, лисапедде, бибику*), речи пожилого деревенского человека (*шутю я, милай, янтяресное*); использование просторечной лексики и грамматических форм (*бошке прилип, ихней, ши ты чо, кажись, кака-така, ложит голову на плечо, мине, не плакай, не сумневался, не чё (ничего), нету, ничё и др.*), отражение в письменной форме региональных и просторечных устноречевых вариантов (*што, хде, аха, хардись, бох, усем, усё*).

Для выражения экспрессивности и компенсации паравербальных и невербальных компонентов в чатах используются следующие средства: многократный повтор знаков препинания (*Всем, ХАЙ!!!!!!!!!!!!!!; спите??????????*); умножение количества символов (как правило, гласных) (*Нееееееееет!!! ; ааа...???*); написание слов заглавными буквами (*ТЫ где?; ОЧЕНЬ странно..... ; ПИПЛЫ!!!!*); смайлики, эмоконы и метатекст.

К графическим сокращениям (4,6 % от языкового материала), употребляемым в процессе компьютерной коммуникации в чатах, относятся следующие группы: общепринятые сокращения (*выкл, вкл, откл, кол-во, совмещ рус и инояз слова, ты м или ж?, эл-во*); передача количественных и порядковых числительных с помощью цифр (*5-ть лет, 4 вентиля, на 7 небо*); инициальные сокращения (как заимствованные из английского языка, так и окказиональные) (*Бб, бб* (от англ. *bye-bye*), *сначала шц узнать, lol*); слова-сокращения, в записи которых по созвучию или внешнему сходству используются иные буквенные или цифровые знаки (*4моки, бл9дъ, верани4ка, 4ток, 4ever, БЛЪ*); консонантное письмо (*пка,*

пжлста, плз, пнтн (понятно), птц, псц, прва, смсл, СПС, спс, счпс, ясн, тлф, игнр ей, здрв и др.).

Частотным способом образования окказионализмов (7,8 % от материала исследования) является контаминация – 4,3 % (*раскисенье* (раскисать + воскресенье), *своббота* (свобода + суббота), *я обсердилась* (обиделась + рассердилась), *вздорник* (вздор + вторник), *буходные* (жаргонное слово бухать + выходные), *поневольник* (поневоле + понедельник), *потница* (потеть + пятница), *трудни* (трудовые + будни)), отмечены также и другие способы: заменительная деривация (*приятного кофепития, виперство, козлорация*), аналитизм, слияние (*я неверсмайл, елайт (E-light), антигубо-завертин, копинастю, копинастить, скопинастил, накопинастилась*), неузвальное сочетание узвальных морфем и основ (*неугрожаемый*); присоединение словообразовательной морфемы к основе, отличной от принятой в языке семантики (*все радужные*); метафорический перенос (*всем сгущеночных сновидений, брызговеки, кончай всякие гадости набирать – вон уже монитор краснеет!*).

Большое количество новообразований (33,9 %) представляют собой потенциальные слова, образованные следующими способами: усечение конечных слогов слов – 9,3 % (*инет илинет, комп, клави, муз, прога*), префиксация и префиксально-суффиксальный способы – 7,9 % (*забаненный, сконнектиться, расшарить, пофлудить, забанить*), суффиксация – 12,4 % (*юзать, сканить, релизнуть, ребутнуть*), универбация – 2,6 % (*сознанку, магнитку, тупак, приват, в ответку*), каламбурное образование – 0,9 % (*металдруз, бухлайн, ленийцези (линейщик), дрова*), усечение начальных слогов слов – 0,7 % (*сиба, кузни, бот*).

Самоидентификация подростков-пользователей коммуникацией в чатах реализуется в использовании ими приемов актуализации на письме устного разговорного варианта функционирования языка, представленного на всех его уровнях, и включения заимствования из разнообразных социолектов и иностранных языков, в применении так называемого «олбанского письма».

Известно, что язык играет важную роль в формировании характера, поведения, роли и места в обществе, отношения к жизни, к людям, т. е. язык, отражая мир и культуру, формирует личность носителя языка. Слова связывают людей, «соединяют их в общество через общение» [Тер-Минасова, 2000, с. 35]. Коммуникация в чатах ведет к формированию интернет-окружения человека, которое существует в рамках некоей наиболее тесной пространственной общности. Общаюсь в данных группах, подростки переносят часть своих навыков компьютерно-опосредованного мультимедийного общения и коммуникативных умений на последующие этапы формирования своего идиолекта, таким образом, определяя в некоторой степени, развитие языковой ситуации и своих языковых личностей.

Известно, что личность формируется в процессе социализации, в ходе которой происходит прижизненное усвоение индивидом культурных паттернов. Подростковый возраст (13–16 лет) относится к периоду вторичной социализации. Агенты вторичной социализации формируют среду, воспринимаемую индивидом, с которой он себя идентифицирует и существование которой он поддерживает. Особенностью периода вторичной социализации является социализация через речевую деятельность. Этот период требует приобретения «специфического ролевого словаря», что означает «интернализацию семантических полей, структурирующих обыденные интерпретации и поведение в рамках институциональной сферы» [Бергер, Лукман, 2001, с. 225].

На качество компьютерно-опосредованных интеракций влияет предшествующий коммуникативный опыт акторов, а наряду с процессами социализации наблюдаются и процессы *ресоциализации*, то есть усвоение коммуникантами новых норм, навыков, ролевых дискурсов, ценностей и установок конкретного виртуального сетевого сообщества вместо прежних в связи с переходом в иную коммуникационную среду [Бондаренко, 2003].

Усваивая необходимые для общения в чатах новые речевые навыки, подросток «накладывает» их на уже имеющиеся навыки внесетевого общения. Таким образом, модели опосредованной и неопосредованной компьютером коммуникации начинают взаимодействовать в его сознании [Сидорова, 2006].

Несомненно, вопросы исследования различных феноменов языкового сознания в аспекте когнитивно-дискурсивных детерминант его становления и развития принадлежат к числу популярных в современной лингвистике, и их изучение уже имеет свои результаты. В частности, в отечественной и зарубежной психолингвистике развитие этой проблематики соотнесено с созданием динамической теории ментально-дискурсивных пространств, с прояснением философских, культурологических, социологических и, конечно, психологических аспектов и методов их лингвистического анализа. Однако в существующих опытах разноаспектного описания дискурсивной природы языкового сознания все еще не достаточно полно представлены не только общая трактовка различных факторов порождения компьютерного дискурса, но и освещение моделей и схем психолингвистического исследования различных жанров виртуальной коммуникации.

С целью выявления изменений вербальной репрезентации образов сознания подростков в связи с появлением виртуальной коммуникации и, в частности, с общением в чатах, был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ).

Известно, что совокупность реакций (ассоциаций, ответов) на слово-стимул называется ассоциативным полем (АП) которое имеет ядро и периферию. Ядро ассоциативного поля образуют наиболее частотные, стереотипные реакции, а периферию – низкочастотные и единичные.

Материалом для наблюдения и анализа послужили данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2007–2008 г. среди учащихся 13–16 лет школ г. Кемерово. Количество респондентов, участвующих в нашем эксперименте, составляет 425 человек, из них 212 подростков – пользователи интернет-чатов и 213 – те, кто не осуществляет общение в интернет-чатах.

Выбор группы подростков был обусловлен тем, что интернет-среда стала той средой, в которую «погружено» практически все молодое поколение и, в первую очередь, подростки. Это та среда, где формируется не только сознание подростка, но и его язык, манера общения. Интернет для подростков оказывается коммуникативной средой, в которой, благодаря анонимности и невидимости субъектов общения, они могут опробовать те модели поведения, которые невозможно реализовать в реальном общении.

В настоящее время подрастает целое поколение «интернет-зависимых» школьников, образующих многочисленную аудиторию пользователей интернет-чатов. Мы полагаем, что особенности «интернет языка», в котором многие современные школьники «живут», несомненно должны отразиться на том, как они будут говорить и писать. Выбор данного типа языковой личности для проведения исследования также обусловлен следующими факторами: в социальной структуре общества данная группа составляет значительную часть населения, которая в ближайшие 10–15 лет должна составлять ядро общества.

Являясь богатым источником не только лингвистической и психологической, но и социально-психологической и социологической информации, ассоциативные тесты способны показать как индивидуальные различия респондентов, так и социокультурные различия между группами людей. С их помощью можно изучать, как окружающая коммуникативная среда, в том числе, тексты рекламы, средства массовой информации, Интернет, попкультура и т.п., формируя ассоциативную систему человека, вторгаются в его мировосприятие, манипулируют им, снижая критическое мышление и способность сопротивляться навязываемым стереотипам [Городецкая, 2002].

На основе данных ассоциативного эксперимента возможно построение ассоциативно-семантической сети усредненного носителя определенной культуры.

Ю.Н. Караулов акцентировал, что «ассоциативный тезаурус представляет собой способ фиксации ассоциативно-вербальной сети, лежащей в основе языковой способности носителя языка» [Караулов, 1999, с. 7]. Поэтому данные ассоциативного эксперимента рассматриваются нами, вслед за Ю.Н. Карауловым, как материальный субстрат языковой способности субъекта.

В.А. Пищальникова отмечает, что концепция Ю.Н. Караулова не противоречит пониманию языкового сознания в трактовке А.А. Леонтьева, который определяет его как «отображение в психике предметного мира, опосредованное предметными значениями и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев, 1993, с. 18], поскольку язык может рассматриваться и как совокупность специфических значений. Также исследователь полагает, что предложенную Ю.Н. Карауловым последовательность анализа ассоциативного поля можно считать исходной лингвистической базой для психолингвистического исследования [Пищальникова, 2007, с. 198–202].

По мнению Ю.Н. Караулова, грамматика в ассоциативно-вербальной сети (АВС), т. е. в языковой способности говорящего, «записана в виде образцов, которые обладают высокой степенью стандартности, а значит воспроизводимости, и представляют собой следы текстов, которые в разное время проходили через АВС носителя языка» [Караулов, 1999, с. 109]. Поскольку подростки-пользователи интернет-чатов воспроизводят с определенной частотой тексты, то они будут чаще реагировать образцами, стандартами, свойственными общению в чатах.

В качестве материала исследования выбраны 30 слов-стимулов (СС): *человек, жизнь, деньги, хорошо, любовь, друг, дом, лох, плохо, урод, я, сила, ребенок, красивый, смерть, большой, кайф, умный, сильный, люди, много, счастье, радость, зло, время, добро, день, мир, семья, мужчина*, входящие в ядро ЯС подростка, сформированное по результатам исследования, проведенного Е.Н. Гуц [Гуц, 2005].

На базе полученных в свободном ассоциативном эксперименте (САЭ) вербальных реакций (всего 12998, включая отказы) были сформированы ассоциативные поля двух групп респондентов: респондентов первой группы – пользователей интернет-чатов (212 человек) – 6495 реакций и респондентов второй группы – подростков, не осуществляющих общение в интернет-чатах (213 человек) – 6503 реакции.

Отметим, что у школьников, осуществляющих общение в чатах, наблюдается меньшее число отказов от реагирования – 165 (в другой группе – 256), и с учетом этого данной группой респондентов дано большее число вербальных ассоциаций – 6330 (в другой группе – 6247). У школьников первой группы (т. е. школьников, являющихся пользователями интернет-чатов) чаще наблюдается представленность «двойным», «тройным» реагированием, т. е. двумя и тремя словами на предложенные слова-стимулы, – 24 реакций (в другой группе – 5), а также более частое реагирование фразами – 157 (в другой группе – 123).

В ответах школьников-пользователей интернет-чатов чаще (в первой группе подростков – 19 реакций, в другой группе – 2) встречаются следы диалогового режима, когда слово-стимул воспринимается как вопрос или реплика, что свойственно при общении в чатах. Так, например, в ассоциативном поле СС «добро» у первой группы информантов присутствуют вербальные ассоциации – риторические вопросы: «зачем?», «А оно есть?».

В ответах информантов-пользователей интернет-чатов содержится большее количество реакций, актуализирующих экспрессию, графическое выражение эмоций: более частое употребление восклицательного знака – 102 реакции (в другой группе – 40), написание слова заглавными буквами – 24 реакции (в другой группе – 5) и употребление смайликов – 41 реакция (в другой группе – 7). Так, например, на СС «лох» в ответах респондентов, осуществляющих общение в чатах,

продемонстрированы следующие вербальные ассоциации: «НЕ ПАЦАН!», «плохой человек :)), «это судьба :)), «есть один такой! =)), «не пацан :)), «Олень!», «без комментариев!» и др.

Коммуникация в чате происходит в режиме реального времени, чаты являются самой молодой из существующих форм интернет-коммуникации и для языка чатов свойственно использование разговорного стиля, частое употребление английских слов и англицизмов. Все эти особенности также нашли свое отражение в АВС подростков, осуществляющих коммуникацию в чатах.

Реакции, выраженные англицизмами, английскими словами, междометиями присутствуют в ответах обеих групп респондентов. Очевидно влияние английского языка, оказываемое отечественными и зарубежными СМИ, что подтверждается наличием в реакциях всех испытуемых одновременного употребления кириллицы и латиницы. Так, например, престижность латиницы время от времени подчеркивается в СМИ в виде вкраплений в русский текст или в русские слова: Ровуесник, ИскRENEe и т. д. Однако частое использование английских слов и англицизмов в качестве реакций (иногда даже стереотипных) в свободном ассоциативном эксперименте коррелирует с частотой использования их при коммуникации в чатах. В ассоциативных полях слов-стимулов в группе учащихся, являющихся пользователями интернет-коммуникацией, зафиксировано большее число реакций, выраженных английскими словами, – 74 реакции (в другой группе – 46 реакций); реакций, выраженных англицизмами, – 22 (в другой группе – 9 реакций). Также в ассоциативных полях слов-стимулов в группе учащихся, являющихся пользователями интернет-коммуникацией, присутствует большее число ассоциатов-междометий, характерных для разговорной речи – 17 (в другой группе – 7). Например, в АП СС «большой» в первой группе респондентов отмечены такие реакции, как «вах!», «э ююю», «no coment», «тоже sex», «max level», низкочастотная реакция «big» (4). В АП СС «время» продемонстрированы такие низкочастотные реакции, как «тайм» и «time» (3) (в АП другой группы респондентов лишь одна вербальная ассоциация «time»).

В реакциях подростков-пользователей интернет-чатов присутствует большее количество сокращений (например, в АП СС «жизнь» – «НЯК ☺», «хп», «стремление к ч-л») – 19 (в другой группе – 11).

В ответах обеих групп испытуемых продемонстрированы реакции, содержащие пунктуационные и орфографические ошибки (в основном характерные для компьютерного дискурса чатов: морфологическое размывание границ слова, фонетический принцип письма и др.), свидетельствующие о плохом владении авторами языком: например, «мощ», «мощная», «немерено», «ща в соску дам», «гавно», «чтото хорошее» и др. Данные согласуются с выводами Н.А. Христовой, которая утверждает, что терпимость к ошибкам в СМИ оказывает деструктивное воздействие на формирование познавательных структур индивидов, и наше общество близко к формированию такого языкового сознания, в котором сленг, элементы просторечия и ненужные заимствования становятся его органической частью [Христова, 2006]. Но, большее количество ошибок допущено в ответах подростков-пользователей интернет-чатов – 102 (в другой группе – 68). Также полученные данные подтверждают результаты исследования О.В. Лутовиновой, согласно которым виртуальная языковая личность предстает более компетентной в техническом и менее грамотной в языковом отношении [Лутовинова, 2009, с. 6].

В ассоциативных полях подростков-пользователей интернет-чатов выявлены специфические реакции, обусловленные некоторыми конститутивными характеристиками чата как жанра компьютерного дискурса: *диалоговым режимом чатов и наличием метатекста, интерактивностью*: в ответах присутствует большее количество реакций, выступающих в качестве ответных реплик партнеров по коммуникации (в первой группе – 19 реакций, в другой группе – 2 реакции); *отличием воспринимаемого виртуального пространственно-временного дейксиса*

от «реального»: отсутствие в анализируемом слове-стимуле «время» реакций, демонстрирующих бессилие человека в изменении потока, направления времени; *графической передачей паралингвистических средств*: более частое употребление в ответах информантов-пользователей интернет-чатов восклицательного знака – 102 реакции (в другой группе – 40), написание слова заглавными буквами – 24 реакции (в другой группе – 5) и употребление смайликов – 41 реакция (в другой группе – 7); *конкуренцией кодифицированного литературного языка и разговорной речи*: употребление в качестве реакций междометий (в первой группе испытуемых – 17 реакций, в другой группе – 7 реакций), ненормативной лексики (278 и 146 реакций в каждой группе соответственно).

Анализ эмпирических данных проведенного свободного ассоциативного эксперимента показал, что влияние параметра общение – не общение в чатах происходит как на качественном уровне (лексическая «наполняемость» ассоциативных полей), так и на количественном (численное изменение показателей, описывающих структуру ассоциативного поля) и имеет как положительное, так и отрицательное влияние на формирование языкового сознания подростка.

При анализе эмпирических данных выявлены общие тенденции, характерные для респондентов обеих групп: 1) невысокий уровень грамотности подростков, являющийся следствием деструктивного воздействия СМИ на формирование познавательных структур индивидов; 2) взаимодействие и взаимопроникновение электронной и традиционной форм общения.

Литература

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 2001.

Бондаренко С.В. Модель социализации пользователей в киберпространстве // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды VI Всероссийской объединенной конференции. Санкт-Петербург, 3–6 ноября 2003 г. СПб., 2003. С. 5–7.

Городецкая Л.А. Ассоциативный эксперимент в коммуникативных исследованиях // Сборник научных трудов «Теория коммуникации и прикладная коммуникация». Вестник Российской коммуникативной ассоциации / Под общей редакцией И.Н. Рогозиной. Ростов н/Д., 2002. Вып. 1. С. 28–37.

Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка: Монография. Омск, 2005.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание. М., 1993. С. 16–21.

Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: Курс лекций. М., 2007. Ч. 2: Этнопсихолингвистика.

Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М., 2006.

Тер-Минасова С.Г. Язык, личность, Интернет // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М., 2000. № 4. С. 35–42.

Христова Н.А. Нарушение языковой нормы в текстах СМИ: влияние на познавательные структуры индивида // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты / Под ред. В.А. Пищальниковой. М., 2006. Вып. 11. С. 187–201.